

Олег КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук (Москва)

Нашествие или исход?

Переселение армян в Закавказье в 1829-1831 гг. в трудах российских военных историков второй трети XIX – начала XX столетия

Массовое переселение армян в 1829-1831 гг. из Персии и Османской Порты в некоторые области Закавказья, вошедшие в состав Российской империи в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора от 10 (22) февраля 1828 года с Персией и Адрианопольского мирного договора от 2 (14) сентября 1829 года с Турцией, и его геополитические последствия являются сегодня предметом интенсивной международной историко-политической дискуссии, призванной подвести научную основу под претензии и амбиции сторон нагорно-карабахского конфликта. Оппоненты этого военно-политического противостояния за два десятилетия его существования в **стремлении обосновать «законность» своих геополитических устремлений и амбиций, в запале взаимных упреков и угроз вызвали к жизни множество псевдонаучных интеллектуальных построений, – начиная с мифов и заканчивая прямыми фальсификациями, –** которые имели целью размыть в общественном сознании адекватное понимание истинных причин этого противостояния. При этом самым распространенным способом создания нужной одной из сторон мифологемы стало замалчивание содержания и результатов целого ряда официальных по своему происхождению и характеру научных исследований, авторами которых являлись генералы российской армии, уполномоченные быть историографами тех событий.

Среди плеяды этих исследователей в первую очередь следует назвать имена **Николая Ивановича Ушакова** (1802-1861), **Михаила Доримидонтовича Лихутина** (1811-1882) и **Василия Александровича Потто** (1836-1911), которые в своих работах рассматривали вопрос целенаправленного переселения армян в Закавказье в 1830-е гг. как составную часть **русской военно-политической экспансии в этом регионе.** Каждый из них в силу специфики

Генерал-лейтенант Николай Иванович УШАКОВ
(1802-1861)

служебного положения досконально знал все нюансы содержания этого вопроса, а поэтому их свидетельствам нет основания не доверять. При этом не следует забывать, что их работы печатались на основании «высочайшего соизволения», а поэтому проходили строжайшую предварительную цензуру в академических и военных кругах и представляли собой официальную точку зрения на те события. А это значит, что все негативные оценки процесса и последствий переселения армян в Закавказье, которые мы можем встретить на страницах их трудов, были тщательно выверены и нивелированы, и появились там лишь потому, что скрыть их не представлялось возможным.

Генерал-лейтенант Н.И.Ушаков в годы русско-персидской 1826-1828 гг. и русско-турецкой 1828-1829 гг. войн в чине поручика состоял в

Титульный лист труда Н.И.Ушакова
“История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах”

Генерал-майор Михаил Доримедонтович ЛИХУТИН
(1811-1882)

должности адъютанта при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршале графе И.Ф.Паскевиче-Эриванском, а после его перевода наместником Царства Польского являлся начальником его канцелярии в Варшаве. В годы службы в Закавказье он заведовал всей секретной перепиской графа Паскевича, и поэтому был прекрасно осведомлен обо всех самых тайных аспектах событий тех лет. Сразу после окончания войны ему было поручено составление и издание двухтомной «Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» [6], которая увидела свет дважды – сначала в 1836 г. в Санкт-Петербурге, а затем в 1843 г. в Варшаве. В результате он стал, по сути, основоположником российской классической военно-исторической науки. За свой труд Н.И.Ушаков получил высокие награды: был «за отличие в службе» произведен в чин полковника и пожалован весьма внушительной по тем временам премией в 1500 рублей серебром.

Генерал-майор М.Д.Лихутин на протяжении всей своей карьеры являлся офицером Генерального штаба, долгие годы состоял в прикомандировании к штабу Отдельного Кавказского корпуса, занимался вопросами военно-экономической разведки, к числу которых относились сбор информации о мобилизационных

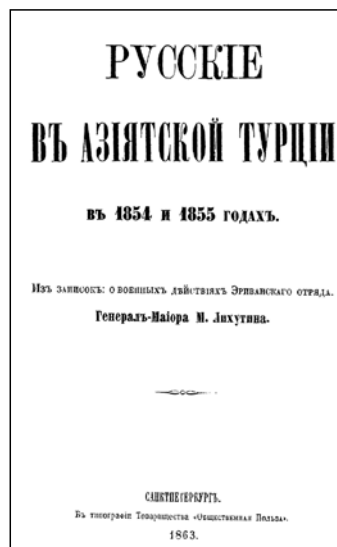
возможностях, хозяйственном укладе, быте и настроениях населения не только Турции, но и российских владений в Закавказье, о которых местная гражданская администрация зачастую отправляла в Петербург недобросовестные и недостоверные сведения. Среди работ этого автора наибольший интерес для нас представляет военно-исторический очерк «Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда» [2], в котором он рисует широкую картину состояния Закавказья накануне Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг., подчеркивая при этом последствия переселения армян в этот регион. Вполне очевидно, что воспитание и служебное положение не позволяли ему сгущать краски, дабы не нарушать объективности повествования, а поэтому его оценки не могут вызывать сомнений в достоверности.

Генерал-лейтенант В.А.Потто прославился не боевой, а военно-педагогической и военно-научной деятельностью, заслуженно получив от современников прозвание «историка Кавказских войн». Он долгое время возглавлял военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа, а результатом его деятельности в этой должности следует считать пятитомное исследование «Утверждение русского владычества на Кавказе», посвященное

100-летию присоединения Грузии к России [5], и впоследствии изданную им единолично на его основании фундаментальную работу «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» [4]. В этих трудах в контексте данной публикации особый интерес представляет 2-я часть 4-го тома, которая содержит главы с описанием причин, процесса и последствий переселения армян в Закавказье. В отличие от Н.И.Ушакова и М.Д.Лихутина, он не являлся очевидцем и участником событий того времени, но в силу должностной компетенции располагал доступом ко всем архивным материалам той эпохи и, используя их, не мог исказить или фальсифицировать их содержания не только по причине академического этикета, но и в

силу воинской дисциплины и субординации, а его оценки и мнения никогда не вызывали критического отношения к себе со стороны исследователей последующих поколений.

Резюмируя, укажем: военно-исторические труды

Титульный лист труда
М.Д.Лихутина «Русские в
Азиатской Турции
в 1854 и 1855 годах»

Генерал-лейтенант Василий Александрович ПОТТО (1836-1911)

Н.И.Ушакова, М.Д.Лихутина и В.А.Потто, прошедшие тщательную предварительную цензуру на предмет соответствия и лояльности их содержания имперской политике российских властей в Закавказье, аргiori не могли содержать неблагоприятных для России оценок, а поэтому **позиции и выводы их авторов относительно армянского переселения в Закавказье должны восприниматься как достоверные и объективные свидетельства успехов и неудач российской военной и гражданской администрации в Закавказье** в этом вопросе.

Общеизвестно, что юридическую основу массового переселения армян в Закавказье заложили статья XV Туркманчайского мирного договора Персией и статья XIII Адрианопольского мирного договора с Османской империей, согласно которым **подданные всех трех стран, проживавшие в их приграничных сопредельных областях, получали право добровольного и свободного переселения на территорию соседнего государства со сменой подданства**. Подданные России и Персии могли это сделать в течение года с момента подписания мира, а подданные России и Турции - в течение полутора лет. За это время они должны были распродать свое имущество и за собственный счет переехать к новому месту жительства, будь то российское Закавказье, персид-

ский Азербайджан или турецкая Анатолия [3, с. 320, 343]. В связи с этим следует отметить, что **правом на переселение могли воспользоваться не только армяне или греки-христиане, иммигрирующие в Россию, но и представители мусульманских народов Закавказья** – азербайджанцев, талышей, лезгин, лазов, курдов и др., эмигрировавшие в родственную им по религиозному признаку Персию (шииты) или Турцию (сунниты). Следовательно, мы можем говорить о том, что обмен подданными в трехлетие 1828-1831 гг. был многосторонним, однако для российских владений в Закавказье имел вполне определенный религиозно обусловленный вектор – **российская администрация стремилась максимально уменьшить численность мусульманского населения вновь присоединенных областей и привлечь на высвобождающиеся земли близких по религиозной идентичности иммигрантов, видя в них социальную опору своих геополитических устремлений**. В итоге это привело к кардинальному изменению национального состава и структуры расселения жителей отдельных областей Закавказья, что, в частности, отмечали в своих статистических и экономико-географических исследованиях В.Н.Григорьев и И.И.Шопен [1; 6].

Сразу же следует отметить, что обоюдный обмен подданными с Персией и Турцией имел для России специфические особенности: иммиграция из Персии в российские закавказские владения основывалась в большей степени на национальном и политическом, тогда как из Турции – на религиозном факторах. **Из Персии переезжали не только армяне, но и азербайджанцы-тюрки, не желавшие более подчиняться этническим персам, тогда как из Турции массово переселялись именно православные христиане-греки и близкие им по обрядовой атрибутике армяно-григориане**, в отношении которых упомянутые российские военные историки использовали собирательное понятие «христиане». Таким образом, иммиграция из Персии имела преимущественно этнополитический характер, тогда как из Турции – во многом религиозно-экономический, поскольку переход в российское подданство автоматически означал прекращение уплаты хараджа – подушного налога для всех «гяуров» (немусульман). Кроме того, в отношении бывших ос-

Титульный лист труда В.А.Потто «Кавказская война»

Ф.А.Рубо. Взятие русскими войсками Эриванской крепости.
Холст, масло, 1892

манских подданных российские власти применяли меры экономического стимулирования, финансируя наличными деньгами их переезд и обустройство на новом месте, тогда как в отношении бывших персидских подданных такие шаги не предпринимались.

На это обстоятельство первым обратил внимание Н.И.Ушаков, описывая мероприятия командования Отдельного Кавказского корпуса при подготовке возвращения войск из турецкой Анатолии в Закавказье. Он пишет, что в ответ на рапорт от главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом графа И.Ф.Паскевича о переселении армян в русские провинции Закавказья «разрешение от Его Императорского Величества не замедлило последовать, и сумма на этот предмет в числе 96.000 червонцев назначена та сама, которая определена прежде при открытии кампании 1829 года для привлечения на нашу сторону куртинцев (т.е. курдов – О.К.) и которую граф Эриванский (т.е. Паскевич – О.К.), по изменившим намерениям куртинских старейшин и мушского паши, сумел сберечь. Излишне удостоверять, что по объявлении христианам Арзерумского, Мушского, Баязетского, Карского и Ахалцихского пашалыков отеческого внимания к ним Российского Монарха не только все 4.000 семейств охотников записались немедленно для переселения в наши границы, но впоследствии к ним присоединилось еще других 10.000 семейств, всего около 90.000 душ» [б, с. 291]. Как мы видим, переселение финансировалось

за счет наличных денежных средств, изначально предназначенных на подкуп курдов для поощрения их к боевым действиям против османских войск, но когда этот проект реализовать не удалось, то ассигнования были направлены на решение других геополитических задач – **на спасение семей греческих и армянских коллаборационистов, сотрудничавших с российскими оккупационными властями, и стимулирование тех, кто был готов переехать в российское Закавказье**, чтобы восполнить убыль в местном населении в связи с его эмиграцией в Турцию. На наличие подобных фактов при проведении переселения подданных Персии в Россию и подданных России в Персию отечественные военные историки не указывают.

Коллаборационизм турецких армян в отношении Отдельного Кавказского корпуса и русских оккупационных властей наиболее ярко проявился в Арзеруме (Эрзеруме) сразу же по сдаче его крепости 27 июня 1829 года. Буквально за несколько дней из числа горожан армянской национальности был сформирован гарнизонный батальон сарбазов – пеших стрелков, вооруженный ружьями и пистолетами, реквизированными у местных жителей мусульманского вероисповедания, а из армян Эрзерумского пашалыка – так называемая «конница Гайты» в составе 800 всадников под командой штабс-капитана Абрамовича, начавшая участвовать в боевых действиях уже 2 августа при движении отряда русских

Я.Суходольский. Штурм крепости Карс 23 июня 1828 года. Холст, масло, 1839

войск к городу Байбурту и в местность Гюмиш-Хане, где находились медные и серебряные копи, т.е. уже через пять дней после капитуляции Эрзерума [6, с. 187, 260]. Кроме того, несколько сотен армян добровольно заняли должности чиновников гражданской части временных областных правлений, учрежденных русскими для организации режима оккупации в Эрзеруме, Байбурте и Карсе, проводя заготовки продовольствия, скота и гужевого транспорта для нужд Отдельного Кавказского корпуса. Всего на сторону русских в августе 1829 года открыто встали более 1200 армян и около 500 греков-рудокопов в Гюмиш-Хане, семьи которых и их ближайших родственников приходилось эвакуировать в Закавказье в связи с уходом из турецкой Анатолии русских войск в соответствии с условиями Адрианопольского мирного договора. **Родственники армянских и отчасти греческих коллаборационистов как раз и составили те 4000 семей «охотников» на добровольное переселение в российское Закавказье,** о которых писал Н.И.Ушаков. Но фактически, по словам все того же автора, их переехало в три с половиной раза больше.

Как свидетельствуют материалы переписки графа И.Ф.Паскевича-Эриванского и императора Николая I, опубликованные В.А.Потто, число армянских коллаборационистов во время войны в Азиатской Турции в рядах Отдельного Кавказского корпуса было значительно больше: только в Баязете и Карсе с оружием в руках на стороне русских воевало до 2000 армян - подданных Османской Порты, которым по завершении военных действий грозила смертная казнь за предательство. «Удостоите, Всемилостивейший

Государь, – писал Паскевич императору Николаю, – обратить милосердное внимание Ваше на сии несчастные жертвы и не допустите совершиться, чтобы самовластие оттоманов мстило им за ту привязанность, какую оказали они России» [4, с. 316]. Вследствие дозволения императора Николая I на переселение в мае 1830 года в российское Закавказье было переселено 2264 армянские семьи из Карсского и 4215 семей армян из Баязетского пашалыков [4, с. 324]. Общая численность переселенцев из этих двух турецких областей могла составить не менее 60 тысяч человек.

Итак, с достаточной долей достоверности мы можем определить общую численность армян и греков, переселившихся в Закавказье в трехлетие 1828-1831 годы. По данным Н.И.Ушакова, в 1829 году вместе с русскими войсками из Эрзерума, Байбурта и Гюмиш-Хана ушло до 14 тысяч семей, или около 90 тысяч человек. По данным В.А.Потто, в 1830 году из Карса и Баязета ушло свыше 6400 семей или около 60 тысяч человек. Таким образом, **общее число иммигрантов из Османской Порты составило до 150 тысяч человек, а с учетом иммигрантов из Персии, переселившихся в 1828-1829 гг., общее количество вновь приобретенных Россией подданных может быть оценено в 200 тысяч человек** - цифра по тому времени огромная! Фактически, исход армян из Турции и Персии под защиту русского оружия превратился для народов Закавказья в настоящее армянское нашествие, противопоставить которому им было нечего, поскольку число переселенцев было в два и даже в три раза превышало коренных жителей любого из азербайджанских ханств, перешедших под власть России в 1813 или 1828 годах. 🌱

(продолжение следует)

Я.Суходольский. Штурм крепости Ахалцых 15 августа 1828 года. Холст, масло, 1839

*П.Н.Грузинский. Оставление горцами аула при приближении русских войск.
Холст, масло, 1872*

ЛИТЕРАТУРА

1. [Григорьев В.Н.] Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В.Г. СПб: Тип. Департамента внешней торговли, 1833.
2. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863.
3. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992.
4. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 томах. – Т. 4. Турецкая война 1828-1829 годов. – М.: Центрполиграф, 2006.
5. Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: В 5 томах. / Под ред. Н.Н. Белявского и В.А. Потто. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1901-1908.
6. Ушаков Н.И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца и К°, 1836.
7. Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1852.

The article examines the value of military and historical works of Russian authors of the 19th century N.Ushakov, M.Likhutin and V.Potto from the standpoint of studying the history of mass migration of Armenians from Iran and Turkey to the South Caucasus after its accession to the Russian Empire. Based on the works of these and other Russian authors, the article reviews the circumstances of the Christian population's immigration from the Ottoman Empire to the Russian Empire due to a treacherous role of the Armenians and Greeks who, during the Russian-Turkish war of 1828-1829, provided active assistance to the troops of the Russian Self-supporting Caucasus Corps.

(окончание)

Нашествие или исход?

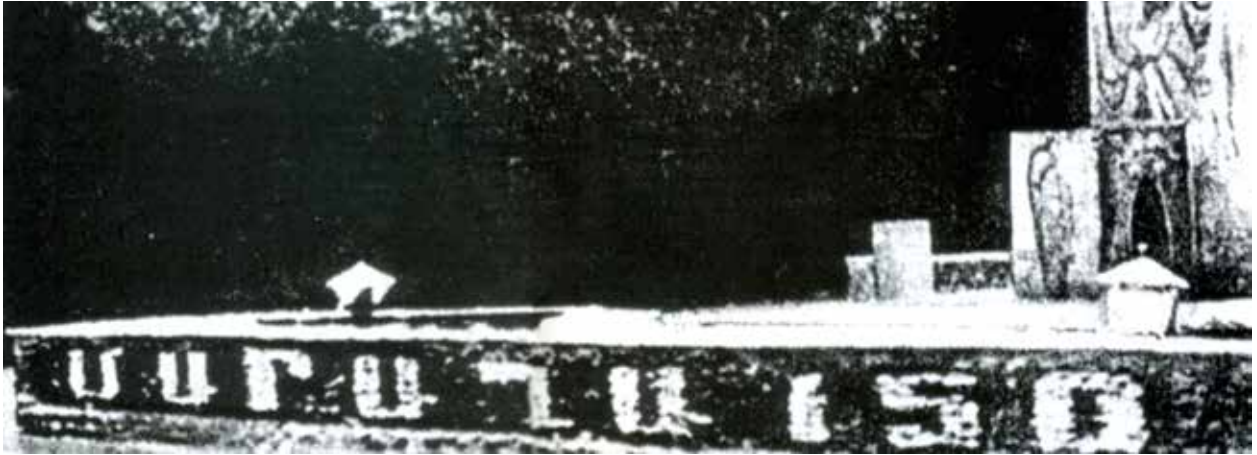
Переселение армян в Закавказье в 1829-1831 гг. в трудах российских военных историков второй трети XIX – начала XX столетия

В первой трети XIX века, с переходом Закавказья под власть Российской империи началось организованное массовое переселение в этот регион армян из соседних стран. Армяне, переселявшиеся из Персии в российские владения в Закавказье, были ограничены в выборе нового места жительства территориями бывших Эриванского и Нахчыванского ханств. **На землях этих ханств, присоединенных к России по Туркманчайскому мирному договору, Высочайшим указом императора Николая I от 21 марта 1828 года была образована Армянская область, призванная стать буферной зоной между православной Грузией и мусульманским Востоком.** Армяне традиционно жили в Эривани, Нахчыване и Ордубаде, занимаясь ремеслом и торговлей, но не составляя там ранее этнического большинства. По подсчетам В.Н. Григорьева и И.И. Шопена, **до начала массовой иммиграции армян численность населения двух ханств, а впоследствии – области составляла около 100 тысяч человек, а если быть точным - 99411 чел., из которых мусульман 74 260, а армян - 25 151.** В 1830 году из Персии в Эриванскую провинцию Армянской области переселилось 23 568 «душ армян обоюго полу», в Нахчыванскую провинцию – 10652 человек, в Ордубадский округ – 1340, что в общей сложности составило 35560 человек [7, с. 636-637]. В результате **число армян возросло более чем в два раза, и общее число их сравнилось с коренным азербайджанским населением, а сама область наконец-то стала оправдывать данное ей Николаем I название.** Особенно сильно при этом изменился состав городского населения: так, в 1831 году в Нахчыване числилось 2791 семейство мусульман – кенгерлинцев и курдов и 2719 семейств армян, из которых толь 434 были местными, а 2285 – переселенными из Персии [1, с. 31].

Переселение армян из Персии сопровождалось целым рядом эксцессов, самым громким из которых стала предыстория гибели в Тегеране российского посольства во главе со статским советником А.С. Грибоедовым, известным литератором и композитором. Причиной убийства толпой иранцев русского посланника стало пикантное обстоятельство,

напрямую связанное с переселением христиан из Персии в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора. В помещении российской миссии укрылись две наложницы-грузинки из гарема персидского шаха Фетх-Али-шаха и привезший их туда Мирза-Якуб, армянин по национальности, являвшийся казначеем и главным евнухом гарема, который требовал свободного переезда в Армянскую область. Очевидно, что эти люди могли рассказать много нелицеприятного про жизнь шахского двора, а поэтому их переезда в российские владения правитель Персии не мог допустить. В личном разговоре с шахом А.С. Грибоедов отказался выдать этих людей, после чего 30 января 1829 года российская дипломатическая миссия была перебита экзальтированной толпой: 37 сотрудников и конвойных казаков стали первыми жертвами политики репатриации армян в Закавказье с территории современного Ирана.

В отличие от спонтанного и весьма неорганизованного переселения армян из Персии в Закавказье, аналогичные действия штаба Отдельного Кавказского корпуса в отношении греков и армян - османских подданных носили характер целенаправленной миграционной политики, являвшейся частью реализации планов расширения российской военно-политической экспансии в этой части Передней Азии. Граф И.Ф. Паскевич-Эриванский накануне военной кампании в июне 1829 года в депеше на имя министра иностранных дел Российской империи графа К.В. Нессельроде писал, что стратегической целью на очередной год войны является отторжение от Турции Карского пашалыка как местности с благоприятным климатом, пригодной к развитию сельского хозяйства, размещению войск и баз их снабжения, а также заселение этих земель выходцами из Османской империи христианского вероисповедания. Верховная российская власть, имевшая самое смутное представление о реальном положении дел в Закавказье, с недоверием воспринимала саму возможность переноса границы столь далеко вглубь османских владений, а поэтому предполагала при будущем подписании мира ограничиться присоединением Ахалцихского пашалыка

Памятник в память 150-летия переселения армян в Карабах в селе Марагашен-Ленинаван Мардакертско-Агдаринского района. Открыт в 1978 г., перестроен армянскими сепаратистами в 1988 г. Фото 1978 г.

с крепостью Ахалкалаки, а выведенных из Турции под прикрытием войск греков и армян разместить в Имеретии. И.Ф.Паскевич категорически возражал против этого, справедливо указывая, что Имеретия является забытым Богом краем, и будут «нужны многие годы, чтобы трудолюбие человека расчистило вековые леса, осушило болота и, проникнув в места доселе непроходимые, обратило их в сады и цветущие нивы», и добавлял: «...переселять жителей из благословенного климата Турции в места, известные своим убийственным влиянием на здоровье, значило бы подвергнуть их неизбежной гибели» [5, с. 437].

Итак, как мы видим, пока Петербург и Тифлис искали взаимопонимания в вопросе определения пределов расширения русского военного влияния в Закавказье, **вопрос о выводе греков и армян, живших в турецкой Анатолии, из-под османского владычества и передачи их в подданство Российской империи воспринимался как сам собой разумеющийся. Практической реализации этого проекта придавалось особое значение не только с религиозно-политической точки зрения, но и в силу его стратегической военно-хозяйственной значимости.** Как метко подметил В.А.Потто, репатриация греков и армян в Россию нанесла бы существенный урон оборонному потенциалу азиатских вилайетов Турции: анатолийские греки являлись единственными рудокопами на казенных медных и серебряных рудниках Гюмиш-Хане в Байбуртском пашалыке Османской империи, и без рабочих рук эти копи становились мертвым грузом в руках султанской казны, а с переселением армян рушилось все вотчинное землевладение турецких агаларов и тимаров, из числа которых в военное время набирались спаги и акынджи – поместная конница, поскольку армяне в основной своей массе в их хозяйствах являлись

райи – барщинными крестьянами или батраками [5, с. 452-453]. Таким образом, военная кампания 1829 года в Азиатской Турции велась русскими войсками не только за овладение стратегически выгодными рубежами или территориями, но и за рабочие руки, которые бы стали эти земли осваивать в соответствии с планами российских властей. А поэтому подготовка репатриации армян и греков получила централизованную организационную основу и была поставлена на широкую ногу.

По сведениям В.А.Потто, еще в 1828 году граф И.Ф.Паскевич-Эриванский распорядился учредить в Тифлисе Особый комитет по переселению в структуре канцелярии главноуправляющего гражданской частью штаба Отдельного Кавказского корпуса, на который была возложена разработка планов по организации иммиграционной политики [4, с. 317]. Следует отметить, что этот глава российской администрации на Кавказе крайне отрицательно относился к переселению турецких армян и греков в Закавказье в военное время по двум причинам: с одной стороны, это обезлюдило бы край, и действующие войска Отдельного Кавказского корпуса остались бы без продовольственного снабжения, которое им обеспечивало армянское население турецких вилайетов; с другой стороны, переселение армян сразу бы продемонстрировало туркам нежелание русских удерживать захваченные пашалыки, что могло неблагоприятно сказаться на атмосфере будущих мирных переговоров: османы поймут, что **целью войны для русских в Закавказье является не захват территорий, а овладение их людскими ресурсами** [4, с. 311]. Поэтому И.Ф.Паскевич предлагал начать переселение только после заключения мира.

В целях рациональной организации иммиграции турецких армян в Закавказье Особый комитет по

В.И. Мошков. Переселение 40000 армян из Персии в русские пределы под личным распоряжением полковника Лазарева в 1828 г. Гравюра. Первая половина 1830-х гг.

переселению разделил всех потенциальных мигрантов на три категории: как пишет В.А.Потто, к первой были отнесены люди, принадлежащие к торговому сословию, ко второй – мастеровые или занимающиеся какими-нибудь ремеслами и промыслами, а к третьей – хлебопашцы. Эти категории комитет имел в виду и при самом отводе земель для размещения переселенцев. Купцов и мастеровых предполагалось водворять в городах или там, где их торговля и ремесла могли обращаться с выгодой; поселян – в деревнях, на земле, удобной для хлебопашества и скотоводства. **Заботливость чиновников переселенческого комитета об армянах-репатриантах**, отмечает В.А.Потто, простерлась до того, что они «старались принимать в соображение климатические условия их родины, и жителей горных стран селили на возвышенностях, а живших на плоскостях – в равнинах». Этой мерой они «желали сберечь переселенцев от смертности и предохранить их от разорения, неминуемо грозившего им с переменой занятий, которые не одни и те же в горах и на плоскости». Также особое внимание было обращено на то, чтобы «хлебопашцев водворять целыми селами, как они жили на родине, а при невозможности этого, по крайней мере, в ближайшем соседстве». При этом было приказано земли переселенцам отводить только казенные, и лишь в исключительных случаях – церковные или помещичьи [4, с. 317-318].

Первые две категории переселенцев также

были обеспечены прекрасными стартовыми условиями на новом месте жительства, создаваемых за счет имущества Российской империи и ущемления интересов местного мусульманского населения. В.А.Потто пишет, что «для размещения ремесленников комитет указал многие казенные здания в Елисаветполе (Гяндже – О.К.) и в других городах, которые с небольшими приспособлениями легко могли обратиться в магазины или мастерские, а для поддержания самих ремесел разрешено было отпустить переселенцам из доходов Ширванской области до полутора пудов шелка и до тысячи пудов хлопчатой бумаги». Иными словами, **русская администрация на Кавказе безвозмездно обеспечила переселенных армянских торговцев и ремесленников всем необходимым, поставив их тем самым в максимально благоприятные конкурентные условия в сравнении с коренным населением**, традиционному хозяйству которых тем самым был нанесен ущерб.

Также следует обратить внимание на социально-политический аспект иммиграции армян в Закавказье из Турции и Персии. В результате переселения большинство армян резко повысили свой сословно-имущественный статус: из османского сословия райя они превращались в государственных крестьян и приравнивались по объему обязанностей к «кавказским туземным жителям», освобожденным от многих феодальных повинностей, в первую

очередь от рекрутского набора в армию, а впоследствии – воинской повинности. В итоге в Российской империи сложились две категории христиан: православные, в основной своей массе являвшиеся крепостными крестьянами, несшие все феодальные повинности, и армяно-григориане, обремененные лишь денежным оброком. По сути, **армяне в Закавказье в одночасье приобрели сословные права и привилегии, сопоставимые со статусом сословия однодворцев – землевладельцев, свободных от государственной службы, что поставило их в исключительное положение по сравнению не только с мусульманским населением Закавказья, но и в сравнении с преимущественно русским по национальной принадлежности крестьянством Европейской России.**

Есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить особое внимание. Армяне из Османской империи в Закавказье переселялись частично вооруженными. В.А. Потто пишет: «...армяне турецкие, и в Карсе и в Баязете, охотно шли в ополчение и формировали в помощь русским войскам и конные, и пешие дружины. Многие отказывались даже от жалования и служили на собственном иждивении. В Баязете некто из почетных армян, некто Мелик Мартирос, сам предложил сформировать целый батальон армян в пятьсот человек без всякой платы и содержания, лишь бы правительство отпустило триста ружей вдобавок к тем двумстам, которые у него уже были. Ружья были отпущены, и когда батальон был сформирован в течение нескольких дней, Паскевич приказал назначить Мартироса его командиром» [4, С. 175]. Этот факт интересен нам не как свидетельство коллаборационизма турецких армян в пользу войск Отдельного Кавказского корпуса, и даже не как доказательства их преступной деятельности в отношении Турции в то время (райи – немусульманское податное население, – к числу которых относились и все армяне, в Османской империи не могли по закону иметь оружие). Дело в том, что при переселении в российские владения в Закавказье армяне сохраняли на руках оружие, с которым они пришли на русскую службу, и в арсеналы сдавали только то, которое им выдавалось на время войны от казны. Все остальное оружие, главным образом турецкое, они сохранили на руках, и с ним иммигрировали в Россию, где могли отстаивать свои интересы перед местными жителями не только силой закона, но и посредством вооруженного принуждения.

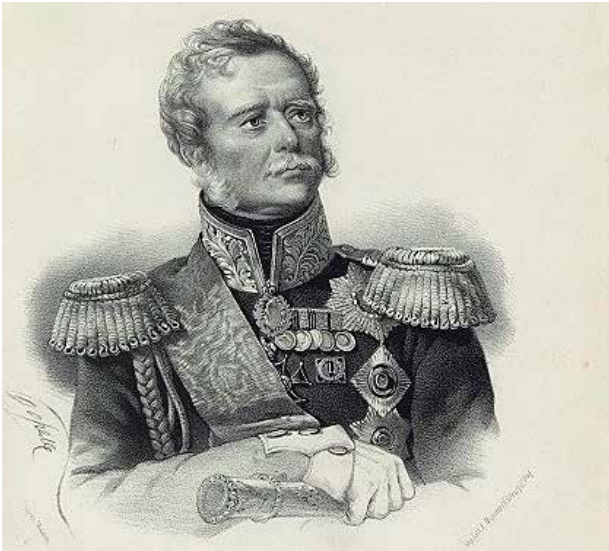
Итак, как было сказано выше, первую волну репатриантов составили армяне Эрзерумского и Байбуртского пашалыков, избравшие для своего жительства земли Ахалцихского пашалыка, отошедшие по Адрианопольскому мирному договору к России, поскольку, как пишет В.А.Потто, «климат

Статский советник, министр-посланник Александр Сергеевич Грибоедов (1795-1829) - идеолог переселения армян в Закавказье

и местность его ближе подходили к их родине». Здесь к 1831 году осели на жительство до 35 тысяч бывших турецких армян, полностью вытеснивших из этой местности коренное лазское население, изгнанное отсюда российскими войсками в ходе боевых действий. Аналогичная судьба постигла и лазское население Памбакской дистанции – административной единицы Закавказья, вошедшей в состав Российской империи по Гюлистанскому мирному договору 1813 года, и одноименной долины, на которой располагался город Гумры (Гюмри – О.К.), где осенью 1829 года поселилось 500 семей армян из Эрзерума и 400 – из Карса, а год спустя – еще 2000 армянских семей из Эрзерума. Тогда же армянами была заселена Лорийская котловина, а также склоны горы Алагез, где, как указывает В.А.Потто, «много было пустых деревень, покинутых жителями еще с последнего персидского вторжения» (имеется в виду 1826 г. – О.К.) [5, с. 453-454]. Таким образом, именно в **1830 году армянские переселенцы из Эрзерума и Байбурта впервые осели на землях, принадлежавших до этого лазам, на территории которых располагались исторические области – Памбаки и Шурагель, сегодня входящие в состав Армении.**

Вторую волну армянских переселенцев в российское Закавказье составляли выходцы из Карса и Баязета, приграничных вилайетов османской Турции. Их путь также лежал через Памбаки и Шурагель напрямик в Борчалы и Карабах, а оттуда – в вышеу-

Генерал-фельдмаршал, Светлейший князь и граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782-1856) - организатор переселения армян в Закавказье.

помянутую «Армянскую область». По свидетельству В.А.Потто, их путь пролегал «по таким местам, где сидело сплошное армянское население» [5, с. 455]. **В землях Армянской области иммигранты-армяне из Османской Порты были поселены следующим образом: в Эриванской провинции – 21639 человек, в окрестностях Нахичевани – 27 человек, вследствие чего численность исконного азербайджанского и пришлого армянского населения этой административной единицы Российской империи сравнялись между собой** [7, С. 637-638].

Несмотря на все планы и приготовления Особого комитета по переселению канцелярии главноуправляющего гражданской частью штаба Отдельного Кавказского корпуса и лично его главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа И.Ф.Паскевича-Эриванского, исход армян из Турции в области российского Закавказья сопровождался не только значительным числом физических, финансовых, административных и политических, но еще и юридических проблем, которые приходилось решать непосредственно в процессе реализации этого грандиозного по масштабам того времени проекта. В особенно бедственном положении оказались армяне-хлебопашцы, поселенные в окрестностях Ахалциха буквально «в никуда». В.А.Потто в нескольких фразах описывает эту ситуацию так: «...Ахалцихский пашалык в продолжение войны обезлюдел, и поэтому оставшиеся земли после турок, бежавших за границу, как пустопорожние места стали считаться казенными. Их-то и отвели теперь переселенцам. Но едва на этих землях водворились армяне, как из-за границы начали

возвращаться прежние владельцы, чтобы, пользуясь правом мирного трактата, продать их в чужие руки и опять удалиться в Турцию. Мусульмане продавали свои земли только мусульманам, и покупщики приобретали их за ничтожную цену. Из этого вышло то, что более 1600 семей неожиданно очутились на земле частных владельцев и лишились всех дарованных им преимуществ. Новые помещики потребовали от них деньги за пользование землею и стали их взыскивать при помощи земской полиции, которая не могла отказать им в этом законном требовании. В результате вышла путаница, вредная и казне и переселенцам, пришлось скупать все частные земли, на которые переселились армяне, платя владельцам уже двойную сумму, или переселять армян с места на место» [5, С. 455]. Спекуляции с казалось бы, «ничейной» землей увеличили стоимость проекта переселения армян в Закавказье в несколько раз, сведя в итоге на нет все экономические выгоды для Российской империи, которые он первоначально сулил. Именно поэтому в 1834 году была создана комиссия барона П.В. фон Гана, которой предстояло разработать «Положение об управлении Закавказским краем», призванное поставить армян в один общий ряд с иными подданными Российской империи.

Социально-политические последствия переселения армян в Закавказье для исконных жителей этого региона по-военному четко и кратко охарактеризовал М.Д.Лихутин, в силу своего служебного положения и воспитания симпатизировавший армянам, что не помешало ему предельно конкретно охарактеризовать положение дел в областях, куда были переселены представители этого народа к началу Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Он писал: «Армяне скоро пристали к русским, выучились русскому языку, воспитываются в русских школах и поступают на русскую службу, в которой они по правам своего образования тотчас пользуются всеми преимуществами, присвоенными высшему сословию. **Большая часть чиновников Эриванской губернии была из армян... Без сомнения надо допустить и то, что чиновник-армянин не мог в короткое время освободиться от чувства неприязни и даже мщения своего народа к своим прежним притеснителям, и эти чувства невольны могли выражаться в новом его положении, при выполнении на месте правительственных обязанностей своего нового звания – русского чиновника; надо допустить, что в некоторых случаях он был пристрастен в пользу своего брата армянина и во вред мусульманина, что по его тайному убеждению или по чувствам, это было справедливо и законно» [2, с. 2-3].**

Если пересказать эту цитату современным языком, то получается, что второе поколение армян,

переселенных в российское Закавказье из Турции и Персии в 1828-1831 гг., при поддержке и попустительстве русских властей смогло монополизировать власть на местах и тем самым подчинить себе в административном отношении мусульманское население. Армяне, опираясь на русское оружие, буквально через четверть века после своего переселения стали доминирующей этнической группой в регионе и впоследствии стали претендовать на собственную автохтонность для Южного Кавказа, как это задолго до них сделали иудеи в отношении Палестины, хотя сами являлись выходцами из Египта.

Литература

1. [Григорьев В.Н.] Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В.Г. – СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1833.
2. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863.
3. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992.
4. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5-ти тт. – Т. 4. Турецкая война 1828-1829 годов. – М.: Центрполиграф, 2006.

5. Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: В 5-ти тт. / Под ред. Н.Н.Белявского и В.А.Потто. – Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1901-1908.
6. Ушаков Н.И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца и К°, 1836.
7. Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1852.

The second part of the article uses archival and literary material to provides information about the differences between the mass resettlement of the Armenians to the Russian South Caucasus from Iran and the Ottoman Empire, which was intended to create a Christian buffer between Russia's possessions and Muslim neighbors of the Russian Empire. The author describes the surrounding circumstances, political, social and economic consequences of these large-scale actions of the Russian authorities for the Armenian settlers and the local Muslim population.

